

А.Г. СМЕРНОВА

УГРОЗЫ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье обосновано рассмотрение угрозы в качестве объекта социологического исследования. Раскрыты положения, лежащие в основе социологического подхода к изучению безопасности, которые важны для изучения угроз и процессов их познания в международных отношениях. В частности, уделяется внимание трансформации государствоцентричного подхода к изучению безопасности в социоцентричный, предполагающий рассмотрение идентичности социальной общности как предмета безопасности. Обосновано положение о социокультурной обусловленности представлений участников международных отношений об основных сферах своей уязвимости и источниках опасности. Рассмотрено влияние ментальных категорий, усвоенных субъектами в ходе социализации, на познание угроз и вызовов безопасности.

Ключевые слова: Угроза, социология международных отношений, когнитивная социология, социальный конструктивизм, социетальная безопасность, идентичность государства, этноцентризм.

Угроза как объект социологического исследования

Окончание «холодной войны» привело не только к трансформации отношений между государствами, но и к пересмотру приоритетов в области безопасности, а также поиску новых теоретических подходов, позволяющих осмыслить происходящие в мире изменения. Один из них предлагает *социология международных отношений*.

Угроза и процесс ее познания традиционно не входят в сферу социологических исследований и являются объектом изучения политической и военной науки, психологии и истории. Исключение составляет анализ общественного мнения о существующих угрозах безопасности личности, обществу и государству [1], а также выявление тех особенностей общественных и политических отношений, которые связаны с бытующими в массовом сознании образами государств (в том числе образа врага) [8, 15]. В последнее десятилетие в зарубежной и отечественной социологии угрозы изучаются сквозь призму связанных с ними *рисков* [см., например: 4, 10, 14, 32]. При этом в качестве теоретического основания чаще всего используются труды У. Бека [2, 3].

Смирнова Анна Геннадьевна — кандидат политических наук, кафедра социологии факультета социально-политических наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. **Адрес:** 150000, Ярославль, ул. Советская, д. 14. **Телефон:** (4852) 30–34–70. **Электронная почта:** agsmirnova@univ.uni-yar.ac.ru; agsmirnova2001@mail.ru

Вместе с тем, необходимо отметить, что в отмеченных выше исследованиях акцент сделан на изучении именно рисков, которые существенно отличаются от угроз по своим онтологическим характеристикам, последствиям, механизмам познания и стратегиям противодействия [17]. Кроме того, не утратили актуальности угрозы в их традиционном понимании — в качестве намерения одного субъекта причинить вред (физический, экономический и т. д.) другому субъекту, если последний не будет вести себя так, как ему предписывает угрожающий. Согласно данному определению угроза представляет собой разновидность *субъект-субъектных отношений*.

Подобная характеристика угроз может быть пояснена посредством классификации источников опасности, с которыми сталкиваются индивиды, общество и государство, на природные, социальные и структурные [28, с. 89–91; 29, с. 12]. Ключевое отличие угроз, исходящих из природной среды, состоит в том, что они носят *непреднамеренный* и *безусловный* характер. Данная особенность позволяет рассматривать их скорее в качестве *опасностей*, нежели угроз в классическом понимании данного термина.

Угрозы, исходящие от человека, не являются однородными по своим характеристикам и подразделяются на *преднамеренные (социальные)* и *непреднамеренные (структурные)*. Примером преднамеренной угрозы может выступать ультиматум, когда субъект открыто высказывает намерение причинить вред другому субъекту в случае невыполнения предъявляемых требований. В подобных обстоятельствах угроза должна пониматься не просто как воздействие неких внешних условий, то есть односторонний процесс, а как *результат взаимоотношений* между субъектами. При этом реакции на условия, выдвигаемые угрожающим субъектом, приводят к новому раунду взаимодействия, результатом которого могут стать подчинение требованиям, сопротивление или выдвигание встречных угроз. Таким образом, как подчеркивает К. Боулдинг, угроза — это один из типов отношений, который обладает свойством организации *социальных систем* [22, с. 426]. Тем самым данный тип отношений представляет интерес для социологии.

Примером *непреднамеренной, или структурной угрозы* может служить ситуация возникновения «дилеммы безопасности». Суть ее в том, что когда государство наращивает вооружение в оборонительных целях, это может быть воспринято другими участниками международных отношений в качестве угрозы. Иначе говоря, укрепление обороны страны без намерения причинить вред, согласно определению, не должно рассматриваться другими государствами как угроза.

Теоретическая значимость изучения структурных угроз связана с поиском ответа на вопрос: может ли отсутствие у субъекта намерения причинить вред выступать в качестве достаточного основания для

того, чтобы его действия по наращиванию военно-промышленного комплекса перестали расцениваться в качестве угрожающих?

С одной стороны, ответ на данный вопрос представляется утвердительным. Триада «*желание — убеждение — намерение*» традиционно рассматривается в качестве детерминанты поведения субъекта. Если желание определяет *ожидаемый исход* предпринятых действий, а убеждение — наиболее эффективный с точки зрения субъекта *способ* получить желаемое, то намерение формирует *готовность действовать* с целью достижения желаемого указанным способом. Сквозь призму данной триады угроза представляет собой сформированное у субъекта намерение добиться желаемого результата посредством выдвижения условий и демонстрации готовности нанести ущерб. При этом в сложившихся обстоятельствах данный способ действия воспринимается им как приемлемый и эффективный. Таким образом, *намерение как готовность действовать посредством выдвижения условий и причинения вреда* представляет собой неотъемлемую характеристику угрозы.

С другой стороны, по нашему мнению, было бы некорректно рассматривать структурные угрозы как лишенные компонента намерения, поскольку в любом случае они являются результатом *целенаправленных, обдуманных* социальных действий. Иначе говоря, хотя возникновение «дилеммы безопасности» не связано с намерением причинить вред, в ее основе лежат хорошо обдуманные, спланированные действия государства по обеспечению своей безопасности. Более того, любое преднамеренное действие не может быть абсолютно спонтанным и зависеть исключительно от желания субъекта: оно всегда «структурировано» [28, с. 90], то есть выводится из существующей системы правил, в соответствии с которыми развиваются отношения угрозы.

Рассмотренная классификация источников опасности позволяет уточнить сформулированное ранее определение угрозы. Она представляет собой разновидность *субъект-субъектных отношений*, которые являются элементом существующей *социальной структуры*. В качестве последней выступает сложившаяся *архитектура безопасности*, представленная заключенными договорами, созданными военно-политическими союзами, выработанными нормами и правилами взаимодействия, а также общими представлениями о сферах уязвимости и основных источниках опасности.

Теоретическая значимость данного определения заключается в том, что оно ставит в центр изучения безопасности и существующих угроз проблему *соотношения коллективного и индивидуального, агентов и социальной структуры*. Как подчеркивает Ф. Коркюф,

рассмотрение оппозиции данных понятий «было особенно характерно для социологии с самого начала ее становления» [9, с. 18]. Указанное обстоятельство перемещает исследование угроз с периферии проблемного поля социологии в ее центр. В свою очередь, социология международных отношений, изучающая «поведение специфических социальных общностей — государств, межправительственных и неправительственных организаций, других участников международных отношений и их систем, их взаимосвязи и взаимодействия, особенностью которых является выход за пределы их территориальных образований» [19, с. 68], по нашему мнению, должна не просто представлять собой *один из* возможных подходов к изучению угрозы в международных отношениях, а разработать базовые принципы ее исследования, которые могли бы учитываться и другими дисциплинами.

Раскроем некоторые положения, лежащие в основе социологического подхода к изучению безопасности, которые важны для рассмотрения угрозы и процессов ее познания в международных отношениях.

От государства к обществу

Первое положение, лежащее в основе социологического подхода к изучению безопасности, отражает смещение исследовательского акцента с *государства* на *общество*. В то время как политические науки исследуют события и процессы на международной арене «сверху», с позиций государств, их интересов, концепций в сфере внешней и оборонной политики, социология подходит к изучению международных отношений «снизу», со стороны социальных групп, конструирующих собственные суждения и представления относительно сложившейся ситуации. Подобный подход сближает социологию международных отношений и *политическую социологию*, изучающую политику через «человека, социальные группы, их сознание и поведение» [13, с. 15].

Переход от государствоцентричного к социоцентричному рассмотрению безопасности связан с работами представителей копенгагенской школы международных отношений Б. Бузана и О. Вивера.

Хотя в монографии Б. Бузана «Народ, государства и страх» сделана оговорка, что социологический анализ индивидов в качестве самостоятельного субъекта безопасности «не является целью данной книги» [23, с. 35], исследователь вводит в оборот по меньшей мере два понятия, которые в дальнейшем получили развитие уже в собственно социологическом изучении безопасности. Первое из них — *социальная общность как объект безопасности*. Второе — *идентичность как предмет безопасности*.

Ученый отмечает, что безопасность имеет отношение, прежде всего, к социальным общностям и только потом — к индивидам. Поэтому в современной системе международных отношений основным

объектом безопасности необходимо считать *государство*. Вместе с тем, в качестве важной единицы анализа необходимо рассматривать также и *негосударственные, этнокультурные общности* [23, с. 19].

Наряду с определением общества в качестве объекта безопасности Б. Бузан расширяет и перечень возможных угроз в пяти основных секторах: военном, политическом, экономическом, социетальном и экологическом. При этом особое значение для развития социологического подхода к изучению безопасности имеет введение категории *социетальная безопасность*, которая определяется как «устойчивость в пределах приемлемых условий развития традиционных языковых паттернов, культуры и религии, национальной идентичности, обычаев и традиций» [23, с. 19]. Нельзя не отметить, что социетальную безопасность необходимо отличать от *социальной безопасности*, которая имеет отношение к индивидуальному уровню анализа и воздействию преимущественно экономических факторов. Социетальная безопасность, в свою очередь, связана с обеспечением существования больших групп, разделяющих общую идентичность, иначе говоря, ее можно определить как «*безопасность идентичности*» [24, с. 120].

Однако, несмотря на расширение перечня объектов безопасности и включение в него социальных групп, разделяющих общую идентичность, Б. Бузан подчеркивает, что содержание безопасности определяется в конечном итоге *интересами государства*. Например, обеспечение социетальной безопасности важно не только для существования групп, но и для выживания государства. При этом идентичность обладает такой значимостью, что позволяет государству сохранить жизнеспособность даже в случае временной утраты своего физического базиса — территории и институтов [23, с. 64]. Если члены общества разделены по идеологическим, культурным или религиозным признакам, партийным и региональным интересам, этнической или классовой лояльности, это создает угрозу безопасности. Так, Р. Швеллер полагает, что разобщенность общества и неспособность политической элиты следовать интересам государства приводят к серьезным ошибкам в восприятии угрозы [33]. Отсутствие интегрирующей идеи способно поставить государство в невыгодное положение и на международной арене, поскольку «оно не сможет поддержать свое существование в конкурентной среде» [23, с. 64–65]. Таким образом, хотя монография Б. Бузана и способствовала осознанию необходимости расширить представление о природе безопасности, подход к проблеме остался по сути государствоцентричным.

Представления об обществе в качестве объекта безопасности, а также о социетальной безопасности получили дальнейшее развитие в коллективной монографии Б. Бузана, О. Вивера и Я. де Вильда «Безопасность: новые основания для анализа». В данной работе отмечается, что социетальный сектор функционирует независимо от государства. При этом сама независимость проявляется двояко. Во-первых, в

качестве объекта безопасности выступает не государство, а *нация*, характеризующаяся определенной *идентичностью*. И состояние безопасности связано с возможностью представителей нации говорить на родном языке, исповедовать свою религию, сохранять культуру. Приведенные в исполнение угрозы повлекут за собой разрушение идентичности, неспособность социальной общности существовать в качестве «мы». Во-вторых, статус нации как самостоятельного объекта безопасности связан с наличием специфических *сфер уязвимости и способов их устранения*, которые отличаются от тех, которые свойственны политическому и военному секторам. В частности, в качестве угроз безопасности выступают: *миграция*, *горизонтальное соперничество*, связанное с возможностью изменения идентичности под влиянием доминирующей группы, *вертикальное соперничество*, предполагающее размывание или утрату идентичности в результате интеграционных проектов, и *депопуляция* [24, с. 121]. Общество может реагировать на данные угрозы двумя путями. Иногда социетальные проблемы входят в «повестку дня» государства и становятся неотъемлемой частью политического или даже военного секторов. Однако природа социетальной безопасности предопределяет самостоятельное решение обществом указанных проблем без вмешательства государства.

Рассмотренные выше идеи позволили Б. Бузану и его коллегам преодолеть критику в адрес их ранних исследований и отразить появление не только новых субъектов и объектов безопасности, но и угроз, связанных с деятельностью негосударственных акторов на международной арене. В то же время обозначился и ряд спорных вопросов, среди которых можно выделить проблему статуса социетального сектора как самостоятельной области безопасности.

Так, Б. Бузан, О. Вивер и Я. де Вилдер отмечают, что обозначенные выше военный, политический, экономический, социетальный и экологический секторы безопасности призваны продемонстрировать отличительные особенности акторов, сфер уязвимости и основные угрозы, в том числе с учетом их региональной специфики. При этом они подчеркивают, что в реальности все пять упомянутых сфер — части единого целого, и их отдельное рассмотрение было вызвано необходимостью упростить рассматриваемое явление с целью его дальнейшего анализа. Однако разбиение целого на отдельные элементы и последующее изучение связей между ними, хотя и является неизбежным в ходе научного осмысления реальности, тем не менее, искажает исследуемое явление.

Не оспаривая существование особого круга проблем, связанных с размыванием или утратой социальной общностью своей идентичности, а также признавая взаимосвязи социетальной и других сфер безопасности, необходимо отметить, что идентичность социальных групп не просто определяет содержание *одной из* областей безопасности, а

скорее составляет ее *ядро*, особенно если речь идет о международных отношениях. Иначе говоря, любая угроза (связана ли она с возможностями утраты части территории государства, потери армии, экологической катастрофы, увеличения количества мигрантов или девальвации национальной валюты) приведет в конечном итоге к постановке вопроса, сможет ли социальная общность в сложившихся условиях продолжать рассматривать себя в качестве «мы»? При этом неизбежно и обращение к государству, которое воплощает право нации на самоопределение и способствует сохранению ее идентичности.

Ярким примером этому может служить голосование против принятия конституции Евросоюза на референдумах во Франции и Нидерландах в мае–июне 2005 г. Одной из причин трудностей с реализацией этого проекта называют опасения западноевропейской общественности и элит по поводу того, что «недостаточно развитая Восточная Европа, поспешно принятая в ЕС, может размыть сформировавшуюся европейскую идентичность» [16, с. 37]. Фактически проблема идентичности оказалась в центре экономических и социально-политических процессов в регионе. Подобное значение идентичности объясняется особенностями *социального габитуса человека*. Как подчеркивает Н. Элиас, национально-государственный социальный габитус, принадлежащий ему образ «мы» «обладает соответствующим смыслом и вследствие этого сильной инерцией, которая способна противодействовать дальнейшему общественному развитию в направлении к более высокой степени интеграции» [21, с. 306–307].

Таким образом, можно сделать вывод, что *идентичность социальных общностей* является отправной точкой познания собственной безопасности, определения сфер уязвимости и возможных источников угроз.

Этноцентризм

Логично было бы предположить, что в основе определения угрозы безопасности лежит конструирование *этноцентричных суждений*, которые являются неотъемлемой характеристикой познания субъекта эпохи национально-государственной мы-идентичности, построенной на социальном сравнении и разграничении «своей» и «чужой» группы. Это соотносится с важным положением социологического подхода к изучению международных отношений — *о социально-культурной обусловленности представлений о мире* [20, с. 7]. Разные общества характеризуются своими особыми сферами уязвимости и перечнем угроз в зависимости от того, «как сконструированы их идентичности» [24, с. 124].

Теоретическим основанием для формулировки данного предположения выступает представление об участниках международных отношений как *этноцентричных субъектах*. Как правило, этноцентризм

проявляется, во-первых, в признании своей группы в качестве эталонной, референтной для оценки других и, во-вторых — в восприятии других групп как «худших». Следовательно, представления о мире формируются с позиций субъекта, который создает положительной образ себя и тех, кого он относит к «ин-группе». В результате основой для понимания действий других акторов и их оценки выступает представление субъекта о самом себе, его идентичность [7].

Концепция этноцентризма находит подтверждение и применительно ко взаимоотношениям государств на международной арене. Наиболее очевидным аргументом сохранения этноцентричного видения международных отношений является то, что внешнеполитическая стратегия стран формируется на основе *государственного суверенитета и национальных интересов*.

Как подчеркивает Т. Дейбель, соответствие политики национальным интересам — необходимое условие для ее реализации на практике. Если она не может быть оправдана на основе национальных интересов, то от нее следует отказаться [25, с. 123]. Сторонники теории социального конструктивизма отмечают, что *интересы должны выводиться из идентичности* в том смысле, что идентичность субъекта включает в себя его интересы. А. Вендт развил данное утверждение, предложив рассматривать возникновение национальных интересов с позиций *когнитивного подхода*. Не отрицая влияния *базовых потребностей* в безопасности, принадлежности и достижении, ученый справедливо отмечает, что они важны для любых акторов. Следовательно, наличие тех или иных потребностей само по себе не объясняет возникновения у данного государства специфических национальных интересов. Когнитивный подход направляет наше внимание на *схемы, или репрезентации*, посредством которых акторы определяют свои интересы [35, с. 112]. Например, государство, заинтересованное в сохранении существующего мирового порядка, конструирует представление о себе как о стране, удовлетворенной своим положением на мировой арене, рассматривает правила, регламентирующие международные отношения, как легитимные. А. Вендт подчеркивает, что данные представления отражают определенную идентичность государства и влияют на выбор той или иной стратегии построения отношений с другими участниками международных отношений [35, с. 124]. Таким образом, интересы, сформированные на основе идеи государственной идентичности, предопределяют «национальную» направленность мышления субъектов и тем самым позволяют считать этноцентризм естественной реакцией стран на события, происходящие на международной арене.

При этом можно утверждать, что своего рода интеллектуальную подпитку этноцентризм получает из существующих теорий международных отношений. Как подчеркивают П.А. Цыганков и А.П. Цыганков, международные отношения, будучи американской

общественной наукой, «продолжают отражать и закреплять видение западной цивилизации и остаются относительно закрытыми для влияния, исходящего от остальной части мира» [20, с. 133].

В изучении безопасности долгое время также доминировали западные теории. Переосмысление данного понятия и расширение перечня угроз после окончания «холодной войны» стало возможно, среди прочего, и благодаря появлению альтернативных концепций безопасности. Их авторы — представители других географических регионов, прежде всего, «Юга»¹. В обзоре, посвященном переосмыслению понятия безопасности, Э. Тикнер отмечает, что основная угроза в данном регионе исходит от военных конфликтов. Отличие данных конфликтов в том, что они редко бывают межгосударственными. Более того, как подчеркивает исследователь, есть предположение, что термин «государство» в его западном понимании не может быть применен к «Югу» [18, с. 191]. Тем самым ученые если не опровергли, то по меньшей мере поставили под сомнение «государствотцентричную» модель безопасности, которая характеризует, главным образом, отношения государств «Севера». В научных трудах, посвященных проблеме безопасности «Юга», были выделены и новые источники угроз. В частности, среди них можно отметить нестабильность, представляющую опасность ценностям и идентичности, проблемы с обеспечением продовольствием, качественной медицинской помощью и др.

Таким образом, теории, отражающие региональную специфику проблем безопасности, с одной стороны, позволили преодолеть односторонний подход к изучению данного явления, в рамках которого рассматривались угрозы, значимые, прежде всего, для демократических промышленно развитых государств. С другой стороны, эти теории усилили этноцентричное видение проблемы безопасности, так как продемонстрировали зависимость восприятия угрозы от внутривнутриполитической и экономической ситуации в стране, от ее истории и культуры, сложившегося образа жизни и других факторов, которые определяют идентичность и статус государства на международной арене.

На практике конструирование этноцентричных суждений о безопасности приводит к несогласованности в оценках возможных угроз. Принимая во внимание региональную специфику, можно ожидать,

¹ После окончания «холодной войны» нередко звучали утверждения, что в современном мире противостояние по линии «Восток – Запад» сменилось на противостояние по оси «Север – Юг». В странах, находящихся в северном полушарии (развитых государствах), общий социально-экономический уровень жизни существенно выше, чем в развивающихся странах южного полушария. Иногда страны «Юга» называются странами «третьего мира». Вместе с тем, необходимо отметить существенную неоднородность государств «Севера» и «Юга» [11, с. 206–220].

что значимость источников опасности будет различаться. Например, для безопасности США более существенными являются международные угрозы, такие как терроризм, распространение оружия массового уничтожения. В европейских странах в перечень приоритетных входят угрозы в сферах экологии и энергетики. Для ряда стран африканского континента наиболее актуальными стали эпидемии, дефицит питьевой воды и продовольствия, гражданские войны. Теоретическая значимость существующих различий в восприятии угрозы связана с необходимостью учета *социально-культурных факторов* в ходе выявления общих закономерностей, лежащих в основе международных отношений в области обеспечения безопасности.

От материальных к когнитивным факторам безопасности

Становление социологического подхода к изучению безопасности в международных отношениях обозначает также переход к рассмотрению роли не только материальных, но и *когнитивных* факторов в определении феномена безопасности. Данный переход связан с развитием *когнитивной социологии* в целом [5] и *когнитивного подхода к изучению международных отношений* — в частности [26, с. 136]. Существенный вклад в переосмысление влияния материальных факторов (количество вооружений, географическое положение, природные ресурсы) на развитие отношений между странами внесли сторонники теории *социального конструктивизма*. Рассмотрим данную теорию, учитывая не только ее роль в обозначении «социологического поворота в теории международных отношений» [28, с. 114], но и в преодолении базовых дихотомий «идеальное – материальное», «индивидуализм – холизм».

Согласно конструктивистам, индивиды живут и взаимодействуют в рамках пересекающихся друг с другом социальных групп — культурных, идеологических, национальных, гендерных и других. Данные социальные образования в ходе своей деятельности создают, поддерживают и изменяют среду существования посредством системы *значений* — представлений о мироустройстве, разделяемых в этих общностях. Если индивиды не поддерживают доминирующую в обществе систему значений, структуры перестают существовать.

Государства также строят взаимоотношения на основе значений. При этом материальные факторы, среди которых можно назвать и баланс сил на международной арене, всегда оказывают влияние на принятие решений в области безопасности. Но, как подчеркивает А. Вендт, это влияние зависит от взаимных договоренностей и ожиданий, от распределения знаний, которые лежат в основе представлений акторов о себе и других. «Именно коллективные значения составляют структуры, организующие наши действия», — подчеркивает ученый [34, с. 397]. Однако утверждение о когнитивной основе существования

институтов не означает, что они не представляют собой ничего более чем убеждения индивидов. А. Вендт доказывает, что институты предстают перед акторами как социальный факт, но в то же самое время — и как следствие разделяемых ими знаний [34, с. 399].

Таким образом, существующая социальная структура всегда соотносена с «объективными» характеристиками действительности, ее невозможно просто «придумать». Например, возникновение bipolarного мира и соответствующих институтов обусловлено тем, что в определенный момент времени существовали две сверхдержавы, обладавшие сопоставимой военной и экономической мощью, культурным потенциалом и идейной привлекательностью, которые смогли приобрести союзников в разных регионах мира. Вместе с тем, данная реальность складывалась и развивалась на фоне достаточно стабильной системы значений, придававших смысл глобальному противостоянию периода «холодной войны» и определявших идентичность государств — участников военно-политических блоков НАТО и Организации Варшавского договора (ОВД). Значимость роли созданных когнитивных паттернов проявилась после окончания «холодной войны» и распада СССР. Научные исследования [6, 31], а также суждения политиков и экспертов свидетельствуют, что «принуждение реальностью» до сих пор не привело к коренному изменению системы значений, которые продолжают влиять на взаимоотношения между Россией и США, подчас «подстраивая» под себя действительность. Таким образом, знания являются не только основой для интерпретации действительности рациональным актором, как утверждали «слабые когнитивисты» [26, с. 155]. Скорее можно говорить об обоюдном учреждении знаний и характеристик среды, в которой взаимодействуют индивиды. Разделяя точку зрения, что не все в реальности обусловлено идеями и что действия акторов соотносимы с характеристиками действительности, конструктивисты пытаются преодолеть противопоставление идеального и материального.

Наряду с этим они подчеркивают, что стабильность социального порядка, так же как и его изменение, зависят от совершаемых индивидами действий, которые, в свою очередь, определяются особенностями социально-политического, пространственного и исторического контекста. Однако, обсуждая проблему соотношения коллективного и индивидуального, агентов и структуры, сторонники данного теоретического направления не отдают «онтологического первенства» [27, с. 3] ни одному из данных элементов. Они характеризуют отношения между ними как «обоюдное учреждение структуры и агентов» [27, с. 7], «взаимопорождение частей и целого» [9, с. 22]. Иначе говоря, институты соответствуют интересам и идентичности тех индивидов, которые их создают. Идентичность субъекта, в свою очередь, приобретает стабильность и воспроизводится в рамках соответствующих институтов в результате процесса *социализации*. Таким образом,

конструктивизм, в противовес как индивидуализму, так и холизму, «пытается постичь множественных индивидов в качестве продуктов и производителей разнообразных социальных отношений» [9, с. 23] и тем самым — преодолеть оппозицию коллективного и индивидуального.

Рассмотренные теоретические положения позволяют сделать вывод, что поведение государств на международной арене в значительной мере зависит от того, кем они себя воспринимают: другом или же врагом «другого». Безопасность необходимо рассматривать в качестве *отношений между субъектами*, которые обусловлены, прежде всего, особенностями *культуры* (языка, устойчивой системы значений, символов), а также объективными характеристиками, в числе которых присутствует и военный потенциал. Однако значимость последних осмысливается сквозь призму существующего знания.

Основные характеристики угрозы и процесса ее познания в социологии международных отношений

Рассмотренные теории позволяют сформулировать ряд важных характеристик угрозы и процесса ее познания, которые необходимо учитывать при изучении международных отношений в сфере обеспечения безопасности.

Во-первых, социология создает теоретические основания для рассмотрения угрозы как феномена, состоящего из двух компонентов: *онтологического и эпистемологического*. Это означает, что угроза, с одной стороны, соотнесена с фактами реальности, а с другой — представляет собой результат познания данных фактов. В общей теории национальной безопасности угрозы определяются как «совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства» [12, с. 117]. Среди источников опасности могут выступать: создание новых видов вооружения, нарушение существующих договоренностей, приход к власти недружественных режимов и многие другие. В реальности имеет место, например, увеличение численности армии сопредельного государства, а не «угроза» как таковая. Познание угрозы сопряжено с *приданием значения фактам реальности*. Таким образом, угроза характеризуется онтологическим реализмом, но в то же время отличается «эпистемологической лабильностью», которая на практике приводит к различиям в восприятии угрозы участниками международных отношений. Данное обстоятельство заставляет исследователя обращать внимание на *ментальные категории* субъектов, которые усваиваются ими в ходе социализации в сложившихся культурно-специфических исторических условиях и используются в процессе познания угрозы.

Во-вторых, определение угрозы в качестве особой формы *отношений между субъектами*, которые характеризуются определенными идентичностями и интересами, позволяет сделать вывод, что познание

угрозы сопровождается установлением конституирующих отношений. Иначе говоря, субъект делает вывод, что X — враг, потому что Y — жертва, или A представляет угрозу, поскольку B уязвим. Тем самым созданные идентичности государств подтверждают друг друга. Более того, в процессе познания субъектом угроз своей безопасности формируется целостный *паттерн*, который включает идентичности взаимодействующих субъектов, соответствующую систему значений и институциональные структуры, призванные отразить проблемы в области безопасности в определенный период времени и в сложившихся условиях. Таким образом, общие закономерности, лежащие в основе международных отношений в сфере безопасности, должны быть рассмотрены с учетом особенностей идентичности и интересов тех стран, которые устанавливают отношения друг с другом. Без учета данного принципа применимость любой теории может оказаться ограниченной.

В-третьих, идентичность субъекта выступает не только как фактор познания угрозы, но и как ее предмет, определяя содержание так называемой «*онтологической безопасности*» [30, с. 341]. При этом восприятие угрозы связано не только с опасениями утраты *физической безопасности* государства (например, потери территории), но и с невозможностью реализации ключевых *ценностей*, поддержания *достигнутого статуса* на международной арене, а также с препятствиями в *исполнении ролей*, которые соответствуют идентичности государства и его положению в мире. Введение данного понятия позволяет по-новому осмыслить причины возникновения таких угроз международной безопасности, как распространение оружия массового уничтожения, длительные, не поддающиеся урегулированию конфликты, в том числе гражданские войны.

Итак, характеристики угрозы, выявленные на основе социологического подхода, не только расширяют теоретические основания для изучения международных отношений в области безопасности, но и позволяют осмыслить новые угрозы, возникающие в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкирова Е.И., Федоров Ю.Е. Россия и внешние угрозы // Новое военное обозрение. 1997. № 20 (47). [<http://www.ebiblioteka.ru/sources/article.jsp?id=3513083>].
2. Бек У. Мир в начале тысячелетия. Политическая динамика в глобальном обществе риска // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 5. С. 10–19.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
4. Гаврилов К.А. Социологический подход к анализу риска // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 40–58.

5. *Игнатов Г.* Теория воплощенного знания как перспектива развития культурной и когнитивной социологии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. 2008. № 1. С. 39–42.
6. *Киреев Т.В.* Восприятие России прессой США: во власти стереотипов «холодной войны» // США — Канада. Экономика, политика, культура, 2007. № 6. С. 72–87.
7. *Киселев И.Ю., Смирнова А.Г.* Динамика образа государства в международных отношениях. СПб.: СПбГУ, 2006.
8. *Козырев Г.И.* «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 31–39.
9. *Коркюф Ф.* Новые социологии. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2002.
10. *Красиков С.А.* Исследование рисков в западной социологии // Социологический журнал. 2008. № 9. С. 12–19.
11. *Лебедева М.М.* Мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2003.
12. *Общая теория национальной безопасности* / Под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: Изд-во РАГС, 2002.
13. *Политическая социология* / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
14. *Риск в социальном пространстве* / Под ред. А.В. Мозговой. М.: Изд-во института социологии РАН, 2001.
15. *Семенов И.* Формирование образа России в современном мире: социокультурные механизмы // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 1. С. 78–88.
16. *Смирнов П.Е.* Центральная и Восточная Европа между США и ЕС // США — Канада. Экономика, политика, культура. 2005. № 8. С. 35–56.
17. *Смирнова А.Г.* Восприятие угрозы в международных отношениях: в поисках теоретических оснований // ПОЛИТЭКС («Политическая экспертиза»). 2007. № 4. С. 193–208.
18. *Тикнер Э.* Переосмысливая проблемы безопасности / Под ред. К. Буса и С. Смита // Теория международных отношений на рубеже столетий / Общ. ред. и предисл. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 185–207.
19. *Цыганков П.А.* Политическая социология международных отношений. М.: Радикс, 1994.
20. *Цыганков А.П., Цыганков П.А.* Социология международных отношений: анализ российских и западных теорий. М.: Аспект Пресс, 2006.
21. *Элиас Н.* Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.
22. *Boulding K.E.* Towards a pure theory of threat systems // American Economic Review. Papers and Proceedings of the Seventy-Fifth Annual Meeting of the American Economic Association. 1963. Vol. 53. No. 2. P. 424–434.
23. *Buzan B.* People, states and fear: An agenda for international security studies in the post-cold war era. Bolder: Lynne Rienner Publishers, Inc., 1991.
24. *Buzan B., Weaver O., Wilder J. de* Security: A new framework for analysis. London: Lynne Publisher Publishers, 1998.
25. *Deibel T.L.* Foreign affairs strategy: Logic for American statecraft. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
26. *Hasenclever A., Mayer P., Rittberger V.* Theories of international regimes. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

27. *Klotz A., Lynch C.* Strategies for research in constructivist international relations. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2007.
28. *McSweeney B.* Security, identity and interests: A sociology of international relation. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
29. *Milburn T.W., Watman K.H.* On the nature of threat: A social psychological analysis. NY: Praeger, 1981.
30. *Mitzen J.* Ontological security in world politics: State identity and the security // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12 (3). P. 341–370.
31. *Murray Sh.* Anchors against change: American opinion leaders' beliefs after the Cold War. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1996.
32. *Rasmussen M.* The risk society at war: Terror, technology and strategy in the twenty-first century. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
33. *Schweller R.L.* Unanswered threats: Political constraints on the balance of power. Princeton University Press, 2006.
34. *Wendt A.* Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics // International Organization. 1992. № 46. P. 391–425.
35. *Wendt A.* Social theory of international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.